

Получив в 1944-м необходимый рабочий стаж и по-прежнему работая на заводе, он поступил в Литинститут. Принес стихи, но благодаря Константину Федину его приняли на отделение прозы.

Трифонов учился у Федина и Константина Паустовского, с которым был знаком еще с 1939-го, когда посещал литературный кружок в Московском городском доме пионеров и октябрят (МГДПиО).

«После института были встречи с Паустовским в Москве, в Переделкине, в Ялте. Влияние Константина Георгиевича на всех нас, его бывших учеников, продолжало расти, — может быть, не прямо, отраженно, системою зеркал, ибо между нами были пространства, годы, обстоятельства. Но теперь мы старались понять не то, как строить фразу, делать концовку, а — как строить жизнь, делать судьбу», — так писал Юрий Трифонов о своем главном литературном наставнике.

Литературное становление и личная жизнь

Дипломная работа «Студенты» — образец соцреализма — принесла Трифонову Сталинскую премию III степени в 25 лет. На полученные 25 тысяч рублей он купил «Победу» и женился на солистке Большого театра Нине Нелиной, у них родилась дочь Ольга (сейчас живет в Германии). Молодой автор в одночасье оказался на вершине советской литературной иерархии, но этот успех не принес ему удовлетворения. И вскоре началась черная полоса...

Однажды кто-то донес в партком Литинститута и Союз писателей, что Трифонов не указал в анкете репрессированного отца. Молодого прозаика едва не исключили из комсомола и вынесли ему строгий выговор. К счастью, к тому времени он уже окончил институт — иначе могли бы и выгнать. Но прием в Союз отложили на шесть лет. Для Трифонова все это стало тяжелым психологическим ударом. И еще постоянно мучила мысль, что он получил премию от человека, причастного к гибели отца.

Позже Трифонов написал рассказ «Недолгое пребывание в камере пыток», в котором описал похожую ситуацию по принципу «двойного зрения» Скотта Фицджеральда — способности держать в сознании две противоречащие друг другу идеи. Это был взгляд с обеих сторон — своей и добровольного обвинителя.

После смерти Сталина отношение к лауреатам премий имени вождя резко ухудшилось: тиражи сокращались, гонорары падали. К тому же выяснилось, что жена Трифонова Нина была любовницей Берию — и это стало еще одной тяжелой травмой на всю жизнь. Второй раз он женился только в 1968-м — на редакторе серии «Пламенные революционеры» Издательства политической литературы ЦК КПСС Алле Пастуховой. Но в 1975-м ушел к Ольге Мирошниченко, которая стала его подругой до конца дней и в 1979-м подарила ему сына Валентина.

А после разрыва с первой женой Трифонов, чтобы не выпасть из профессии, стал писать о спорте, особенно о футболе и хоккее — много, с азартом и глубоким знанием темы, сам болел за ЦДКА (позднее — ЦСКА). Делал репортажи о соревнованиях, выпускали его и за границу — он был спецкором журнала «Физкультура и спорт» на чемпионатах мира, Европы, летних и зимних Олимпийских играх.

«Все радуются тому, что человек может совершить фантастическое. Он может поднять огромный вес, который еще двадцать лет назад казался сказочным. Он может покорить высоту, о которой недавно не смели и мечтать. Он может подняться в космос и смотреть оттуда на Землю. И нет предела человеку и тому, что человек может», — писал Трифонов в одном из спортивных очерков.

Но почти на десять лет он исчез из большой литературы.

Его тяготило такое положение, он скучал по настоящей работе. Но его не «пропускали». Чтобы «простили», ему пришлось отправиться в творческую командировку в Туркмению, где тогда строили Каракумский канал. В результате появился роман «Утоление жажды» — добротная, большая книга, которая делилась на две части: производственную — о самой стройке, технике и песках пустыни, и личную, где звучал голос автора и есть размышления об арестах, культе личности и отношениях между людьми.

На работу над романом ушло около трех лет — с 1958 по 1960 год. Книга писалась сложно: по требованию редакции Трифонов переписывал ее четыре раза. Роман выдвигали на Ленинскую премию, но награды он так и не получил. Это стало еще одним тяжелым разочарованием. И, хотя «Утоление жажды» в глазах литературоведов не считается главным достижением писателя, до конца его недолгой жизни книгу переиздавали шесть раз, вышла и экранизация на «Туркменфильме» с Петром Алейниковым в главной роли (последняя роль знаменитого советского актера).

В этих непростых обстоятельствах родился «новый» Трифонов — не пафосный и не системный, а вдумчивый и честный. Так он стал одной из ключевых фигур советской литературы 1960–1970-х годов.

Расцвет творчества

Повесть «Обмен» (1969) открыла новую главу в творчестве писателя и советской литературе в целом. Трифонов создал уникальный художественный мир, сосредоточенный на повседневной жизни московской интеллигенции. Он писал не о героических свершениях, а о семейных конфликтах, карьерных компромиссах, повседневных мелочах — обо всем том, что и составляет основу человеческой жизни.

В конце 1960-х и в 1970-е годы его авторитет в читательской среде был огромен. Люди ждали его новых публикаций, обсуждали их, искали в них ответы на мучившие вопросы. Трифонов стал моральным ориентиром для многих представителей позднесоветской интеллигенции. Именно он собирал подписи для письма против разгрома журнала «Новый мир», тесно общался с авторами «Метрополя». Вместе с тем никогда не был диссидентом, выбрал путь «внутреннего эмигранта»: оставаясь в системе, пытался сохранить моральную и творческую независимость.

Почему Трифонов не писал «в стол», как Солженицын или Гроссман? Почему выбрал путь компромиссов с цензурой? Много позднее критики задним числом упрекали его в «не последней прямоте», но писатель сделал сознательный выбор — говорить с современниками здесь и сейчас, пусть и не договаривая.

«Трифонов, в отличие от Солженицына, не писал о тюрьмах и о муках заключенных. Он писал об этом отстраненно и странно. Его боль была разлита в воздухе. Этой болью болели люди, болели предметы в комнатах, болели деревья на улицах. Он был изысканный, утонченный певец боли, он был маг

боли. Он умел сказать о грозном сталинском времени, быть может, больше, чем Солженицын или Шаламов», — писал о нем Александр Проханов.

А еще Трифонов верил в читателя, в его способность понимать намеки и додумывать недосказанное. И не ошибся — его книги моментально становились дефицитными, передавались из рук в руки, переписывались и перепечатывались, зачитывались до дыр.

Юрий Трифонов ушел из жизни рано, в 55 лет в 1981 году, но успел создать уникальную художественную вселенную, в которой запечатлел драму советского человека второй половины XX века.

Главные произведения Юрия Трифонова

«Дом на набережной»

В этой повести он мысленно вернулся к дому своего детства, но не как к идиллическому воспоминанию, а как к символу эпохи, где роскошь соседствовала с предательством, а привилегии оборачивались проклятием.

Герой повести Вадим Глебов завидует богатству друзей из элитного дома, но именно зависть и делает его аморальным. Когда приходит время выбирать между совестью и карьерой, он предает своего научного руководителя профессора Ганчука и его дочь Соню. Так Трифонов показал, как формировался тип советского конформиста: не из тяги к злодейству, а из страха и мелочного расчета. «Люди, умеющие гениальным образом быть никакими, продвигаются далеко. Вся суть в том, что те, кто имеет с ними дело, довоображают и дорисовывают на каком фоне все, что им подсказывают их желания и их страхи», — писал он.

В «Доме на набережной» нет ни слова о репрессиях, арестах, расстрелах — только намеки: «дядя Володя был уже на севере», «затаялась заваруха». Но читатель все понимал. Повесть стала событием, январский номер «Дружбы народов», где ее опубликовали, мгновенно исчез с прилавков, а сам писатель получил тысячи писем от читателей.

«Московские повести»

Цикл «московских повестей» (1969—1975) — «Обмен», «Предварительные итоги», «Долгое прощание», «Другая жизнь» («Дом на набережной» также часто относят к этому циклу) — исследует жизнь советской интеллигенции 1970-х. Его герои — горожане среднего возраста, которых словно внезапно отключили от источников энергии. И поэтому они живут в мире компромиссов, где постоянно приходится выбирать между человечностью и выживанием. На каждого давит свой собственный проклятый «дом на набережной» — невидимый груз, который словно панцирь невозможно сбросить, как бы ни хотелось.

Так, в «Обмене» Дмитриев соглашается на обмен квартиры умирающей матери, чтобы улучшить жилищные условия. Это не злодейство, а типичный для эпохи моральный компромисс. Трифонов не судит своих героев — он их понимает, и в этом понимании заключается особая горечь его прозы: что-то делать нужно, а сделать ничего уже нельзя.

Историческая трилогия

Историческая трилогия Трифонова (1965—1978), куда вошло документальное произведение «Отблеск костра», а также повести «Нетерпение» (о народовольцах) и «Старик» (о Гражданской войне), продолжила тему памяти и

исторической ответственности. Писатель пытался разобраться, как личные судьбы вплетаются в большую историю, как идеалы превращаются в насилие, как революционный порыв оборачивается террором.

Так, в «Старике» он показал, как революция и гражданская война, задуманные как вехи на пути к духовному и физическому освобождению, породили механизм уничтожения. «Время испекло нас в своей духовке, как пирожки», — говорит один из героев. Тем страшнее на этом фоне смотрятся засасывающий быт и компромиссы 1970-х из «московских повестей»: люди гаснут и выгорают, но уже без всякого «пожара мировой революции».

Последние произведения

После смерти Трифонова вышли его роман «Время и место», сборник рассказов «Опрокинутый дом» и незаконченное «Исчезновение», в котором он, наконец, напрямую обратился к теме репрессий и их влиянию на судьбы целых семей. Но опубликовали эту книгу только в 1988 году.

В чем феномен «городской прозы» Трифонова

В отличие от популярной в то время «деревенской прозы», которая была сосредоточена на традиционных ценностях, писатель выбрал ведущими темами своих произведений городскую жизнь и психологию горожанина. Позднее говорили: «до Трифонова «городской прозы» не было, после него — ее не стало», хотя это далеко не так.

Столица в его произведениях — не просто фон для действия, а полноценный персонаж, определяющий судьбы героев. Писатель буквально кожей чувствовал пульс города, его ритм, всю скрытую жизнь. Серые многоэтажки, шумные улицы, теснота квартир, очереди в магазинах — все это сформировало особую «суетливую» атмосферу трифоновской прозы, на грани «потока сознания». Так, почти следуя чеховской традиции, через детали быта он раскрывал тонкости психологии современного горожанина — уставшего, морально истощенного, зажатого между прошлым и будущим.

При этом трифоновская Москва — не только пространство, но и время. Вместе с городским ландшафтом в его произведениях менялись и эпоха: «Где был сад с сиренью, построили магазин «Мясо», последняя жительница дачи в «Красном партизане» переехала в Зюзино, в девятиэтажный дом». С одной стороны, сухая констатация перемен, с другой — горечь по утраченному прошлому, местам, людям.

Парадокс трифоновской прозы заключается в том, что, описывая относительно благополучную среду столичной советской интеллигенции (ученых, переводчиков, литераторов, высокопоставленных специалистов), он сумел стать писателем, любимым широким кругом читателей. Люди, никогда не бывавшие в Домах творчества и не участвовавшие в научных симпозиумах, узнавали в его героях себя.

Секрет этой всеобщей любви — в универсальности его тем. Он сумел выразить общее состояние упадка духа в позднесоветском обществе. Усталость от жизни, потеря энергии и надежд, ощущение безысходности — все это было знакомо не только московской интеллигенции, но и инженерам в провинциальных городах, и учителям в маленьких поселках.

Но главная особенность трифоновского стиля — виртуозное владение техникой недосказанности. Он создал особый язык, в котором наиболее важное

оставалось между строк. В эпоху цензурных ограничений это было не только художественным приемом, но и необходимостью.

Современная российская проза о советском времени (от Александра Терехова до Петра Алешковского) явно или неявно апеллирует к трифононской традиции. К тому же в 2000-е и 2010-е годы произошло неожиданное возрождение интереса к писателю. Выяснилось, что тексты Трифонова — не просто художественные свидетельства об ушедшей эпохе, а глубокие исследования человеческой природы в условиях исторического и нравственного кризиса. А от кризисов и потерь не застрахован никто...

В один день с Юрием Трифоновым родился еще один знаковый писатель позднесоветской эпохи — Аркадий Стругацкий. Но, в отличие от современника, он вместе с братом Борисом выбрал другой путь для иносказаний.